

УДК 349.6

DOI: 10.17223/22253513/39/11

А.П. Анисимов, Е.М. Бутаева, Е.В. Смиренская

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Исследуются основные этапы развития эколого-правовой терминологии, анализируются принципиально важные терминологические дискуссии. Авторы приходят к выводу о том, что за последние десятилетия ряд ключевых терминологических проблем экологического права был решен. Однако развитие экологического права продолжается. Сегодня мы наблюдаем объективную необходимость постановки новых правовых задач, обусловленных ухудшением состояния окружающей среды в России и мире (изменение климата, экологический терроризм). Для решения этих новейших задач необходимо дальнейшее улучшение эколого-правовой терминологии, в том числе обсуждение новых дефиниций, адекватно отображающих правовую реальность.

Ключевые слова: терминология; охрана окружающей среды; юридическая техника; природа.

В основе любой отрасли научного знания лежит определенный понятийно-категориальный аппарат, без наличия которого невозможны ни научные исследования, ни эффективное законодательство и правоприменение. Как справедливо отмечалось в научной литературе, «юридическая дефиниция, отображенная в термине, представляет собой логически оформленную мысль, описание того или иного явления правовой действительности, в качестве которого зачастую выступает правовое средство, входящее в механизм правового регулирования, осуществляемого тем или иным законом. Содержащиеся в статьях каждого закона правовые средства должны быть оптимально... подобраны для каждого конкретного случая и ситуации. Для эффективных правореализации и правоприменения законодателю необходимо не только правильно подобрать правовые средства, но и адекватно довести свою волю до населения и правоприменителей. Именно при решении этой задачи и выходят на первый план термины, отображающие соответствующие правовые средства...» [1. С. 4]. Без ясно-го и четкого понятийного аппарата законодательство становится сложным как для гражданина, так и для правоприменителя. Однако в ряде случаев и нормы права, которые перегружены специальной терминологией, затрудняют процесс реализации права.

Данное правило полностью распространяется и на экологическое законодательство. За последние 50 лет развития экологического права как области научного знания было проведено несколько терминологических дискуссий, итоги которых отчасти были отражены в федеральных законах об охране окружающей среды 1991 и 2002 гг. Исследование динамики раз-

вития понятийного аппарата экологического права позволяет подвести определенные итоги и обсудить перспективы развития терминологии в будущем. Принципиальная важность обсуждения данного вопроса состоит в том, что разработка научно обоснованной экологической терминологии составляет одну из главнейших задач эколого-правовых исследований. Успешное решение экологических проблем в национальном и глобальном масштабах вызывает настоятельную необходимость унификации принятых к употреблению экологических терминов [2].

На первом этапе становления экологического права как отрасли права и области научного знания (1970-е гг. – начало 1990-х гг.) принципиальное значение имели дискуссии о названии данной отрасли права, а также о предмете, т.е. сфере общественных отношений, которые подлежат регулированию нормами экологического права. Первоначально предлагалось несколько терминов для обозначения исследуемой сферы общественных отношений, в том числе «природоохранное право», «экологическое право», «право окружающей среды» и т.д. В конечном итоге победили сторонники концепции экологического права, и этот термин сейчас можно считать устоявшимся. Между тем многие вопросы, поставленные еще в 80–90-е гг. прошлого века, так и не получили до сих пор окончательного решения. Приведем всего два таких примера.

Во-первых, остается дискуссионным понимание места человека в системе экологических отношений. Представители первой точки зрения (Н.С. Макаревич, М.М. Бринчук, А.А. Железинский и др.) полагали, что понятие «человек» включает в себя как социальные, так и биологические моменты [3. С. 16]. В связи с этим признание человека в качестве объекта экологического права даст возможность усилить потенциал экологического права и не позволит законодателю забыть о необходимости охраны человека при создании механизма охраны окружающей среды [4. С. 4]. Соответственно, это потребует дополнить список объектов охраны окружающей среды в экологическом законодательстве [5. С. 8].

Прямо противоположную точку зрения высказывали О.С. Колбасов, Е.А. Максимова и Н.Т. Разгельдеев. Так, О.С. Колбасов отмечал, что если человек – часть природы, то ему право не нужно, в том числе и экологическое право. Природа живет не по праву. В природе все происходит по объективным законам материального мира. Как говорится, тамбовский волк тоже часть природы, но для него законы не писаны [6. С. 34]. Другие представители данной точки зрения отмечали, что человек, «вопреки теории отдельных ученых, никак не может быть объектом экологических отношений. В противном случае человек автоматически становится объектом и в природоресурсных правоотношениях, если продолжать объяснять в учебниках для юристов, что экологическое право есть комплексная отрасль права, объединяющая два противоречивых интереса» [7. С. 60].

Компромиссную позицию в рамках этой дискуссии занял М.В. Пономарев. Он указал, что, являясь одним из важнейших объектов экологических правоотношений, «человек, его права и законные интересы подлежат

охране с применением всех доступных средств и механизмов, предусмотренных экологическим правом и законодательством. Вместе с тем человек, являясь субъектом экологических правоотношений, может, выступая в различных социальных ролях, осуществлять непосредственное или косвенное воздействие на окружающую среду, ее компоненты, природные объекты и природные ресурсы. При этом основное значение в обеспечении охраны жизненно важных интересов человека как объекта экологических правоотношений и ограничении его негативного воздействия на природную среду как их субъекта имеет именно право» [8. С. 153].

На наш взгляд, данную терминологическую дискуссию (о том, кто есть субъект и объект экологических правоотношений) необходимо рассматривать в более широком, философско-правовом контексте. Традиционным для России всегда являлось антропоцентричное мировоззрение, суть которого состоит в том, что главная задача человека – преобразовывать природу, использовать ее ресурсы и при этом обеспечивать ее охрану в таком объеме, чтобы это не оказывало негативного воздействия на здоровье самого человека. Соответственно, интересы всех других живых существ в рамках антропоцентричного подхода второстепенны. В рамках эоцентричной концепции человек – это часть природы, поэтому он нуждается в охране, как и другие биологические виды. При таком подходе целеполагание экологического законодательства должно быть более широким, чем оно есть сейчас, в части учета необходимости не только обеспечения человеку комфортной среды обитания, но и защиты иных объектов флоры и фауны, имеющих другой порог выживаемости, в том числе от опасных для них (и безопасных для человека) загрязняющих веществ.

Наиболее последовательно концепция эоцентризма получила свое отражение в Докладе Генерального секретаря ООН от 19.07.2017 «В гармонии с природой» (далее – Доклад), в котором было предложено изменить систему приоритетов охраны окружающей среды и отражающую их терминологию. В частности, в Докладе говорится о «правовой философии Земли» и принципах «планетоцентрического права». Отдельно следует упомянуть и новую правовую конструкцию «право Земли на здоровую окружающую среду» (именно Земли, а не человека или государства), а также ряд суждений о правосубъектности отдельных природных объектов (лесов, вод и т.д.). Несомненно, призывы Доклада признавать субъективные права не только, например, за животными, но и за другими природными объектами, выглядит совершенно необычно и неприемлемо в рамках существующих в российском праве представлений о субъектах и объектах права (тем более признание правосубъектности целой планеты). Вместе с тем представляется, что отголосками именно этой философско-правовой доктрины являются мнения российских сторонников концепции признания человека как объекта экологических правоотношений, и именно эта концепция рано или поздно будет реализована в международном и национальном праве (пусть даже и не в столь радикальной форме, как это предложено в Докладе), если, конечно, человечество все-таки решит изме-

нить самоубийственную антропоцентричную картину мира, в рамках которой добыча природных ресурсов и загрязнение окружающей среды могут продолжаться бесконечно и без учета возможностей природных объектов выдерживать возрастающее давление антропогенной деятельности на экосистемы.

Во-вторых, не менее концептуально интересной терминологической дискуссией 90-х гг. прошлого века, продолжающейся и сегодня, является проблема соотношения терминов «охрана окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности». Соотношению данных понятий посвящены работы А.К. Голиченкова, Т.В. Петровой, И.А. Игнатьевой, М.М. Бринчука и др. Сторонники первой точки зрения полагают, что обеспечение экологической безопасности и охрана окружающей среды – это два самостоятельных термина [9. С. 8].

Согласно второй точке зрения, сформулированной впервые М.М. Бринчуком, обеспечение экологической безопасности не является самостоятельным направлением практической деятельности, осуществляемым наряду с охраной окружающей среды. Экологическая безопасность – это основной принцип охраны окружающей среды, означающий, что любая практическая деятельность, связанная с вредным воздействием на природу, а также предусмотренные в законе правовые и иные экологические меры следует оценивать с позиций обеспечения экологической безопасности [10. С. 68-70].

Наконец, сторонники третьей позиции считают, что экологическая безопасность является «конечной целью и одним из главных принципов рационального природопользования и охраны окружающей природной среды, в соответствии с которым любая экологически значимая деятельность, а также предполагаемые в законодательстве и осуществляемые на практике природоресурсные и природоохранные мероприятия должны оцениваться с позиции экологической безопасности и выступать залогом ее достижения» [11. С.23]. На наш взгляд, именно третья точка зрения является наиболее обоснованной, в ее рамках обеспечение экологической безопасности следует воспринимать не только как принцип, но и как главную цель охраны окружающей среды.

Завершая терминологический обзор научных дискуссий 1970–1990-х гг., следует заметить, что по большинству терминологических вопросов дискуссий либо не возникало вообще, либо их участникам удавалось прийти к «общему знаменателю». Не пытаясь пересказать все такие случаи, в качестве примера заметим, что еще до нормативного закрепления в 1991 г. большинство юристов-экологов пришло к выводу о большей обоснованности термина «право на благоприятную окружающую среду», хотя рассматривались и предложения о «здоровой» и «безопасной» окружающей среде (при этом заметим, что в некоторых странах как раз победили сторонники другой точки зрения, что получило отражение в их конституциях и экологическом законодательстве) [12]. Не получил поддержки и термин «экологическое использование», предложенный Б.В. Ерофеевым [13. С. 7].

Итак, к началу 2000-х гг. российские ученые-экологи определились с большинством базовых терминов, которые получили свое отражение в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002. Высоко оценивая результаты первой терминологической дискуссии, следует все же заметить, что в настоящий момент пришло время продолжить обсуждение этого ключевого для развития эколого-правовой науки и законодательства вопроса с учетом почти двух десятилетий действия указанного выше закона. Представляется, что здесь есть несколько аспектов, требующих подробной и обстоятельной дискуссии.

1. В терминологическом плане все еще существует проблема соотношения понятий «компоненты природной среды» и «природные объекты». Одним из несомненных достоинств Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ является достаточно подробный терминологический ряд, изложенный в ст. 1.

Вместе с тем в части внутренней логики в представленной в нем терминологии сохраняются дискуссионные вопросы. Так, закон определяет, что «окружающая среда – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов». Компоненты природной среды – «земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле». В свою очередь, «природный объект – естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства». Таким образом, земля (или недра) – это не природный объект, а компонент природной среды, наряду с природными объектами образующий базовое понятие «окружающей среды». Между тем данная конструкция не стыкуется с актами природоресурсного законодательства. Так, согласно ст. 1 Земельного кодекса РФ, земля – это природный объект, природный ресурс и объект недвижимости, а вовсе не «компонент природной среды». Лес – это экологическая система и природный ресурс (ст. 5 Лесного кодекса РФ), но не природный ландшафт и не компонент природной среды. Водный объект – важнейшая составная часть окружающей среды, среда обитания объектов животного и растительного мира, в том числе водных биологических ресурсов, природный ресурс, используемый человеком для личных и бытовых нужд, осуществления хозяйственной и иной деятельности, и одновременно объект права собственности и иных прав (ст. 2 Водного кодекса РФ).

В Федеральном законе «О недрах» вообще отсутствует статья, раскрывающая горную терминологию, однако по тексту закона часто используются термины «полезные ископаемые и иные ресурсы», «особо охраняемые геологические объекты», «право собственности на недра», что позволяет прийти к выводу о том, что законодатель применительно к недрам придерживается примерно такой же «системы координат», что и в отношении земли.

В силу преамбулы к Федеральному закону «О животном мире» животный мир признается неотъемлемым элементом природной среды, возобновляющимся природным ресурсом, важным регулирующим и стабилизирующим компонентом биосферы. В данном случае логика Федерального закона «Об охране окружающей среды» выдерживается более последовательно: животный мир – это не природный объект, а элемент (компонент) природной среды. Наконец, согласно преамбулы и ст. 1 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха», воздух – это жизненно важный компонент окружающей среды, неотъемлемая часть среды обитания человека, растений и животных.

Таким образом, мы видим целых три терминологических модели, используемых законодателем: земля, недра, воды, леса, воздух, животный мир – это компоненты природной среды, но не природные объекты (федеральные законы «Об охране окружающей среды», «О животном мире», «Об охране атмосферного воздуха»); недра – не компонент природной среды и не природный объект (в силу отсутствия специальной терминологической статьи в Законе РФ «О недрах»); земля и лес – природные объекты и природные ресурсы, но не компоненты окружающей среды (применительно к водным объектам терминологическая ситуация носит несколько запутанный характер, хотя можно предположить, что законодатель под «важнейшей составной частью окружающей среды» подразумевает отнесение вод к категории «компонентов природной среды»).

Этот сравнительный анализ можно продолжать и дальше, однако хотелось бы четко зафиксировать следующий важный момент: эколого-правовая терминология в главном природоохранном законе и актах природоресурсного законодательства не совпадает, что можно объяснить разным историческим контекстом принятия приведенных выше законодательных актов, а также приверженностью идеям разных научных школ их разработчиков.

Указанное явление получило в науке теории права и государства специальное обозначение – коллизия дефиниций, что означает ситуацию, «в рамках которой возникает противоречие между содержанием одинаковых или сходных понятий, используемых в различных правовых актах» [14. С. 12].

Каким же представляется оптимальный выход из существующих в законодательстве терминологических противоречий? На наш взгляд, проще всего было бы отказаться от конструкции «компонент природной среды» и рассматривать землю, воды, леса, недра, животный мир и атмосферный воздух в качестве природного объекта, природного ресурса и индивидуализированного объекта, который может находиться в различных формах и видах собственности. Однако даже в этом случае сохранится еще одна проблема, требующая отдельного обсуждения.

2. Следующий вопрос, требующий дополнительной проработки, связан с тем, что восприятие земли, вод, недр, лесов, атмосферного воздуха и животного мира в предлагаемом «триедином» контексте не поддерживается действующим природоресурсным законодательством. Применительно к земле и водным объектам данный подход сформулирован «классически» четко:

это природный объект, природный ресурс и земельный участок (водный объект), который может находиться в частной или публичной собственности. Формулируя определение леса, законодатель ограничился указанием на то, что лес – это экологическая система (природный объект в терминологии Федерального закона «Об охране окружающей среды») и природный ресурс. Однако уже из ст.ст. 7–9 Лесного кодекса РФ следует, что участок леса может быть ограничен на местности (лесной участок) и передан гражданам и юридическим лицам на различных титулах. Несмотря на «терминологическое несовершенство» Закона РФ «О недрах», в порядке доктринального толкования его норм можно предположить, что по тексту закона также выдерживается указанный выше триединый подход.

В соответствии с положениями Федерального закона «О животном мире» различается животный мир как компонент природной среды, природный ресурс и индивидуализированный объект – дикое животное, на которое может быть разрешена охота либо иные виды пользования животным миром.

Однако если мы обратимся к атмосферному воздуху, то приведенный выше «триединый подход» здесь не выдерживается. Атмосферный воздух – это компонент природной среды, но не природный ресурс, его нельзя индивидуализировать и передать гражданам и юридическим лицам на каких-либо правах. С одной стороны, объясняя данную специфику атмосферного воздуха, можно сослаться на его объективные особенности (газообразность, подвижность и т.д.), что и правда затрудняет его индивидуализацию. С другой стороны, все шесть объектов природоресурсного права не могут существовать в разной «системе координат», выступая (в разных комбинациях) как компонент природной среды, природный ресурс, природный объект, индивидуализированная часть природного ресурса. Представляется, что в рамках природоресурсного права должна быть выдержана единая логика, и если предположить, что триединый подход к пониманию земель, вод, лесов, атмосферного воздуха, недр и животного мира имеет право на существование, то тогда следует сначала доктринально, а затем и законодательно сконструировать недостающие элементы триады, которые должны быть и у атмосферного воздуха.

На наш взгляд, воздух является природным ресурсом, который может использоваться в рамках общего или специального природопользования. Последнее означает его использование для полетов воздушных судов, размещения линий связи и электропередач, распространения рекламы с использованием воздушных шаров, аэростатов и иных воздушных средств, выработки электроэнергии, размещения вредных выбросов. В отношении последнего необходимо провести следующую аналогию: предприниматель арендует земельный участок для размещения на нем за плату отходов производства и потребления. Точно так же и в нашем случае происходит размещение (после уплаты государству денежных средств) в атмосферном воздухе вредных веществ, но не твердых бытовых и промышленных отходов, а газообразных, т.е. использование его свойств (ассимиляционного

потенциала) в хозяйственных целях. В связи с этим трудно согласиться с Р.Х. Габитовым, который, исследуя правовой статус атмосферного воздуха, полагал, что «он, обладая всеми свойствами, присущими объектам материального мира, в практическом плане не поддается индивидуализации» [15. С. 8]. Представляется, что если мы согласимся с таким подходом, то нарушится единая модель использования и охраны всех видов природных ресурсов. Представляется, что индивидуализация атмосферного воздуха как природного ресурса будет происходить не на местности, а исходя из его возможности рассеивать определенный объем вредных веществ либо выполнять иную полезную функцию в интересах частных лиц (например, полеты на самолете).

3. Еще один аспект в контексте обоснования понятийного аппарата экологического законодательства связан с тем, что характер вмешательства человека в природные процессы все чаще ставит вопрос о продолжении поиска новых терминологических средств, с помощью которых следует отображать трансформацию природных объектов под воздействием антропогенной деятельности. В этом смысле весьма интересным представляется предложение Е.С. Болтановой, отмечающей, что в системе природных объектов следует выделить, наряду с собственно природными объектами, их отдельную подгруппу – квазиприродные объекты (будто бы природные объекты). «Такие объекты, хотя и признаются природными, не имеют естественного происхождения и часто обладают двойным статусом. Использование приставки “квази” позволяет обратить внимание на особую природу появления таких объектов, в некоторых случаях – на специфику их эксплуатации» [16. С. 33].

4. Следует констатировать, что в действующей Конституции РФ и экологическом законодательстве иногда используются термины из другой исторической эпохи, что затрудняет их правильное восприятие и применение. Типичным примером является термин «природные богатства», упоминаемый в Конституции РФ (ст. 58) и Федеральном законе «Об охране окружающей среды» (ст. 11). При этом в ст. 1 данного закона, посвященной терминологии, данный термин не раскрывается. Соответственно, невозможно установить, какое место в системе экологической терминологии занимают «природные богатства» и как они соотносятся со смежными правовыми категориями, в том числе «природными объектами» и «природными ресурсами». На наш взгляд, термин «природные богатства» дублирует понятие «природные ресурсы», и, поскольку он не несет в себе никакой отдельной смысловой нагрузки, его необходимо исключить из ст. 58 Конституции РФ, изложив ее в следующей редакции: «Каждый обязан охранять природную среду».

В настоящий момент второй этап формирования и развития эколого-правовой терминологии в истории экологического права как отрасли права и области научного знания постепенно подходит к концу. Все чаще в научных исследованиях ставится вопрос о необходимости разработки Экологического кодекса РФ [17]. Не пытаясь сейчас обсуждать его концепцию

и структуру, заметим, что в любом случае данный кодекс неизбежно будет содержать специальную статью, в которой получат отражение современные терминологические проблемы правовой охраны окружающей среды. Не претендуя на их исчерпывающий анализ, заметим, что в настоящее время требуют нормативного уточнения термины «экологический терроризм», «экологическое предпринимательство», «экологический туризм», «экологическое зонирование», «экологическая информация» и др. В условиях постепенной цифровизации (не только экономики, но и других сфер общественной жизни) эколого-правовая терминология претерпит и ряд других изменений. При этом может представлять интерес терминологический ряд Экологического кодекса Республики Казахстан, где уже получили отражение важные для современного этапа развития экологического законодательства термины, отображающие политику государства по уменьшению количества парниковых газов и выполнению взятых на себя международных обязательств (единица квоты, валидация, верификация и т.д.), а также такие понятия, как «экологически опасный вид хозяйственной и иной деятельности», «экологические (зеленые) инвестиции», «экологический менеджмент» и т.д.

Таким образом, терминологические вопросы являются одними из ключевых при обсуждении эффективности механизма правового регулирования. В зависимости от того, насколько адекватно с помощью средств юридической терминологии в законе отображены подлежащие правовому регулированию общественные явления и процессы, зависит достижимость целей и задач, поставленных перед соответствующим законодательным актом. Исследование эколого-правовой терминологии показывает, что за последние десятилетия ряд ключевых терминологических проблем экологического права был решен. Однако развитие экологического права продолжается. Сегодня мы наблюдаем объективную необходимость постановки новых правовых задач, обусловленных ухудшением состояния окружающей среды в России и мире (изменение климата, экологический терроризм).

Для решения этих новейших задач необходимы дальнейшее улучшение эколого-правовой терминологии, обсуждение новых дефиниций, адекватно отображающих правовую реальность. Улучшение качества эколого-правовых понятий, повышение системности эколого-правовой терминологии в обсуждаемых проектах Экологического кодекса РФ даст возможность не только подвести итог терминологическим дискуссиям последних лет, но и учесть новые стандарты юридической техники, что позволит значительно улучшить качество эколого-правового регулирования.

Литература

1. Мамедов Э.Ф. Термины и дефиниции как средства юридической техники правотворчества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 27 с.
2. Петров В.В. Проблемы эколого-правовой терминологии // Правовые проблемы экологии : сб. науч.-аналит. обзоров. М. : ИНИОН, 1980. С. 101–133.

3. Макаревич Н.С. Правовое регулирование общественных отношений по охране природы в СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1973. 21 с.
4. Бринчук М.М. Человек как объект экологических отношений // Экологическое право. 2005. № 3. С. 2–5.
5. Железинский А.А. Конституционные основы охраны окружающей среды в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 25 с.
6. Колбасов О.С. Терминологические блуждания в экологии // Государство и право. 1999. № 10. С. 27–37.
7. Максимова Е.А., Разгельдеев Н.Т. Право в социальной структуре обеспечения экологической и природоресурсной безопасности населения в Российской Федерации // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского союза: состояние и эффективность : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей : сб. науч. ст. Саратов, 2017. С. 58–61.
8. Пономарев М.В. Человек как субъект и объект экологических правоотношений // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 147–153.
9. Доржиева Р.Ц. Экологические требования: понятие и соотношение с другими терминами // Экологическое право. 2006. № 5. С. 7–10.
10. Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды) : учебник для высших юрид. учеб. заведений. М. : Юрист, 1998. 688 с.
11. Краснова Ю.А. Право экологической безопасности в Украине : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 2018. 27 с.
12. Экологические положения конституций : сб. / под ред. Е.А. Высторобца. М.–Уфа : МИРМОС, Центр интерэкоправа ЕвразНИИПП, 2012. 385 с.
13. Ерофеев Б.В. Экологическое право. М. : Юриспруденция, 2003. 320 с.
14. Мамедов Э.Ф. Термины и дефиниции как средства юридической техники правотворчества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 27 с.
15. Габитов Р.Х. Правовая охрана атмосферы : учеб. пособие. Уфа : Башк. ун-т, 1996. 104 с.
16. Болтанова Е.С. Природные объекты: фикция в праве // Экологическое право. 2013. № 1. С. 29–33.
17. Куджева Е.К. К вопросу о необходимости разработки и принятия Экологического кодекса России // Аграрное и земельное право. 2018. № 12. С. 10–14.

Anisimov Alexey P., Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation), Butayeva Elena M., Baltic Federal University named after Immanuel Kant (Kaliningrad, Russian Federation), Smirenskaya Elena V., Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)

THE CONTEMPORARY PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL AND LEGAL TERMINOLOGY

Keywords: terminology, environmental protection, legal technique, nature.

DOI: 10.17223/22253513/39/11

The article examines the main stages in the development of environmental and legal terminology and analyzes crucial terminology discussions. The authors conclude that terminology issues are among the key issues when discussing the effectiveness of the legal regulatory mechanism. The achievement of the goals and objectives set before the relevant legislation act depends on how adequately the legal terminology in-laws represents the social phenomena and processes to be legally regulated. The study of environmental and legal terminology shows that over the past decades, some key terminology problems of environmental law have been resolved. In particular, the article gives a detailed analysis of the discussions about the name of the branch of environmental law, recognition of a person not only as a subject but

also as an object of environmental legal relations, the correlation of the categories of "environmental protection" and "environmental safety".

The authors pay special attention to the analysis of modern environmental and legal terminology. They prove that modern environmental legislation deals with as many as three terminological models used by the legislators. The first model covers land, subsoil, water, forests, air, wildlife i.e. the components of the natural environment, but not natural objects (federal law "On Environmental Protection", federal laws "On the Animal World", "On the Protection of Atmospheric Air"). The second model covers the subsoil - neither a component of the natural environment nor natural object (due to the absence of a terminology article in the Russian Law on subsoil). The third model covers land and forests - natural objects and natural resources, but not components of the environment (in case of water objects by way of doctrinal interpretation, it can be assumed that the law includes water into the category of "natural environment components" as "the most important constituent part of the environment").

Proposals are made to optimize environmental and legal terminology and to eliminate the identified conflicts of laws. Given that the development of environmental law continues, there is an objective need to set new legal tasks conditioned by the deterioration of the environment in Russia and the world (e.g. climate change and environmental terrorism).

To solve these new tasks, it is necessary to further improve environmental and legal terminology, to discuss new definitions that adequately reflect the legal reality. The improvement of the quality of environmental and legal definitions, enhancement of systematicity of environmental and legal terminology in the discussed drafts of the Ecological Code of the Russian Federation will enable us not only to sum up the terminological discussions of recent years but also to take into account new standards of legal technology that will improve the quality of legal regulation.

References

1. Mamedov, E.F. (2015) *Terminy i definitsii kak sredstva yuridicheskoy tekhniki pravotvorchestva* [Terms and definitions as a means of legal technique of legal creativity]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
2. Petrov, V.V. (1980) Problemy ekologo-pravovoy terminologii [Problems of ecological and legal terminology]. In: *Pravovye problemy ekologii* [Legal Problems of Ecology]. Moscow: INION. pp. 101–133.
3. Makarevich, N.S. (1973) *Pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy po okhrane prirody v SSSR* [Legal regulation of public relations for the protection of nature in the USSR]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
4. Brinchuk, M.M. (2005) Chelovek kak ob"ekt ekologicheskikh otnosheniy [Man as an object of environmental relations]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 3. pp. 2–5.
5. Zhelezinsky, A.A. (2011) *Konstitutsionnye osnovy okhrany okruzhayushchey sredy v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional foundations of environmental protection in the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
6. Kolbasov, O.S. (1999) Terminologicheskie bluzhdaniya v ekologii [Terminological walks in ecology]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 10. pp. 27–37.
7. Maksimova, E.A. & Razgeldeev, N.T. () *Pravo v sotsial'noy strukture obespecheniya ekologicheskoy i prirodoresursnoy bezopasnosti naseleniya v Rossiyskoy Federatsii* [Law in the social structure of ensuring the environmental and natural resource security of the population in the Russian Federation]. *Pravovye instituty i metody okhrany okruzhayushchey sredy v Rossii, stranakh SNG i Evropeyskogo soyuza: sostoyanie i effektivnost'* [Legal institutions and methods of environmental protection in Russia, the CIS countries and the European Union: state and efficiency]. Proc. of the 3rd International Conference. Saratov. pp. 58–61.
8. Ponomarev, M.V. (2016) Person as a subject and object of environmental legal relations. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1. pp. 147–153. (In Russian). DOI: 10.12737/17240

9. Dorzhieva, R.Ts. (2006) *Ekologicheskie trebovaniya: ponyatie i sootnoshenie s drugimi terminami* [Environmental requirements: concept and relationship with other terms]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 5. pp. 7–10.
10. Brinchuk, M.M. (1998) *Ekologicheskoe pravo (pravo okruzhayushchey sredy)* [Environmental Law]. Moscow: Yurist".
11. Krasnova, Yu.A. (2018) *Pravo ekologicheskoy bezopasnosti v Ukraine* [Environmental safety law in Ukraine]. Abstract of Law Dr. Diss. Kyiv.
12. Vystorobets, E.A. (2012) *Ekologicheskie polozheniya konstitutsiy* [Environmental Provisions of Constitutions]. Moscow; Ufa: MIRmpOS, Tsentr interekoprava EvrAzNIIPP.
13. Erofeev, B.V. (2003) *Ekologicheskoe pravo* [Environmental Law]. Moscow: Yurisprudentsiya.
14. Mamedov, E.F. (2015) *Terminy i definitsii kak sredstva yuridicheskoy tekhniki pravotvorchestva* [Terms and definitions as a means of legal technique of legal creativity]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
15. Gabitov, R.Kh. (1996) *Pravovaya okhrana atmosfery* [Legal Protection of the Atmosphere]. Ufa: Bashkir State University.
16. Boltanova, E.S. (2013) *Prirodnye ob"ekty: fiktsiya v prave* [Natural objects: fiction in law]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 1. pp. 29–33.
17. Kudzheva, E.K. (2018) On the need to develop and adopt environmental code. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 12. pp. 10–14. (In Russian).